Гарри тонул в бездне, мир вокруг расплывался, растворяясь в чернильной тьме. Жуткие красные глаза мелькали перед ним, а безумный, маньяческий смех раздирал тишину. Он был бессилен, застывший в этом кошмарном падении, не в силах ни пошевелиться, ни крикнуть. Хохот, казалось, пожирал его изнутри, оставляя лишь пустоту. Он не знал, дышит ли еще, не понимал, что происходит, где он. Словно в бреду, он наблюдал, как тьма вокруг него вспыхивает зеленоватым светом, таким знакомым, таким ужасным. Тот самый зеленый цвет, что преследовал его в кошмарах, тот цвет, что пронзил его мать, цвет убийственного проклятия. Внезапно он очнулся. Голубое небо раскинулось над ним, а под ним простиралось мягкое травяное поле. Теплый ветер ласкал его кожу, но Гарри был голый. Ничего не удивляло его, ни падение в пустоту, ни это внезапное пробуждение. Он знал, что умер, и это чувство было лишено всякой боли. Больше не было тьмы, не было смеха, не было красных глаз. Лишь спокойствие и тишина наполняли его. Оглядывая себя, Гарри заметил, что его руки стали больше, чем он помнил. Он был выше, и, что удивительно, у него были мышцы, которых никогда раньше не было. Он не был могучим, но был сильным, будто излечился от какой-то страшной болезни. Он чувствовал, что мог бы пробежать мили, не чувствуя усталости. Его разум был чист, свободен, как и тело. Вся боль, что мучила его, исчезла. Вдали виднелась дверь, возвышающаяся над травой. Она была из тонкого коричневого дерева, напоминающего древесину его палочки. Гарри не удивился, увидев ее. Медленно он направился к ней, наслаждаясь теплым ветром, ласкающим его кожу. Трава мягко шептала под ногами, а яркое солнце светило ему в лицо. По мере приближения к двери он начал слышать голоса, доносившиеся из-за нее. Знакомые голоса, голоса людей из его прошлой жизни. Чем ближе он подходил, тем сильнее сомневался, стоит ли открывать дверь. Он не был уверен, что хочет знать, что ждет его по ту сторону. В своей жизни он знал лишь боль, но здесь он чувствовал себя в безопасности.— Иди, мой дорогой. Ты еще нужен, — прошептал нежный женский голос, сливаясь с ветром. Он был так знаком, но Гарри не мог вспомнить, где слышал его раньше. — Кто там? — Гарри огляделся, но видел лишь зеленые поля.— Думаю, ты знаешь, — мягкий голос снова прозвучал на ветру. И тогда он узнал, чей это голос. К сожалению, он помнил этот голос по одному из самых болезненных воспоминаний — ее смерти.— Мама? Это ты? — воскликнул Гарри, не уверенный, слышит ли она его. Он отчаянно искал хоть какой-нибудь знак ее присутствия.— Еще не пришло твое время, Гарри. Тебе еще многое предстоит сделать. Иди, Гарри. Проживи свою жизнь ради меня. Будь счастлив! — — Но что, если я хочу остаться здесь? Что, если я не хочу возвращаться? — спросил он, делая шаг назад от двери.— Ты сын своего отца и знаешь, что никогда не сможешь бросить своих друзей, — Гарри знал, что она права. Он не мог бросить своих друзей, даже если они сейчас не любили его. Он никогда не простил бы себе, если бы не воспользовался шансом вернуться к ним.— Почему я не могу тебя видеть? — — Еще не пришло твое время увидеться со мной, Гарри. — Он чувствовал, что она права. Где бы он ни был, это не было его последним пристанищем. Гарри сдержал свои эмоции, глубоко вздохнул и сделал несколько шагов к двери, положив руку на ручку. — Когда я тебя увижу? — — Не раньше, чем ты станешь намного старше и проживешь счастливую жизнь. Испытай ее сполна, найди любовь и всегда верь в себя и свои способности. А теперь иди, сын мой. Живи! — Гарри повернул ручку и шагнул в яркий белый свет, что лился из-за двери. Он медленно открыл глаза, оглядываясь вокруг. Он лежал на больничной койке, свет был выключен. Через окно было видно, что на улице ночь. Он осмотрел комнату, и первое, что заметил, было то, что видел все гораздо четче. Он несколько раз моргнул, пытаясь понять, не галлюцинация ли это, или его зрение снова станет расплывчатым. На тумбочке рядом с кроватью лежали очки, но и без них он видел прекрасно. Застонав от того, что слишком долго лежал, он перекинул ноги через край кровати и ступил на пол. Он зашипел, когда его босые ноги соприкоснулись с холодным кафельным полом. Он направился к ванной комнате, на двери которой была табличка, и облегчился. Посмотрев в зеркало, он был потрясен увиденным. Он выглядел немного старше, черты лица стали более зрелыми, а сам он выглядел более здоровым, чем когда-либо прежде. Его кожа стала более загорелой, а под глазами больше не

было мешков. Странный сон вернулся к нему. Он вспомнил, как шел голым по полю. Тьма и красные глаза, которые, как он теперь понял, принадлежали Волдеморту. Он видел эти глаза прямо перед ярко-зеленой вспышкой, которая убила его мать. Его мать. Ее слова снова зазвучали в его голове. — Всегда верь в себя. — Он прошептал эти слова про себя. Ее слова принесли в его жизнь новое чувство спокойствия и решимости. Его чуть не убили, и, честно говоря, он до сих пор не понимал, как остался жив. В памяти всплыла ослепительная боль, три железных кола, вонзившиеся в него. Гарри приподнял белую ночную рубашку и ощупал свои новые шрамы. У него было два круглых шрама, один на боку, другой на плече. Они были похожи на шрам, оставленный клыком василиска. Если бы он проверил свое бедро, то наверняка обнаружил бы там такой же шрам. Гарри также не преминул полюбоваться на свой "шестерку". Тренировки по квиддичу поддерживали его в отличной форме, но из-за привычек в питании, или их отсутствия, он никогда не демонстрировал настоящих мышц. Но теперь, по какой-то причине, он здорово располнел. Побрызгав на лицо водой, Гарри заметил то, что его действительно шокировало. Его знаменитый шрам в виде молнии потускнел настолько, что его почти не было видно. Он выглядел как любой другой шрам, только странной формы. Что бы ни произошло с Гарри после того, как он потерял сознание на Кубке мира, это, несомненно, пошло ему на пользу. Вернувшись в больничную палату, он увидел, что свет снова горит. — Привет, щенок! Рад видеть тебя на прогулке! — раздался знакомый голос. Гарри повернул голову, чтобы найти его источник. — Сириус! — воскликнул он, обнаружив его у окна. Сириус выглядел лучше, чем Гарри помнил. Длинные, беспорядочные черные волосы остались, но одежда стала гораздо более стильной, сшитой из дорогих материалов. Серые глаза, хотя и сохраняли затравленный взгляд, излучали теперь какую-то новую, счастливую искру. На лице все еще виднелись следы пребывания в Азкабане, но он определенно шел на поправку. — Что ты здесь делаешь? Вдруг кто-нибудь увидит тебя! — обеспокоенно прошептал Гарри, бросив взгляд на дверь.— Меня помиловали! — ответил Сириус с ликованием. — Помиловали? — Гарри не мог поверить своим ушам.— Да, вчера состоялся суд, который меня освободил! Слышал, что ты имеешь к этому какое-то отношение, — Сириус улыбнулся, его глаза светились от радости.

http://tl.rulate.ru/book/101315/3479776